ТЫ ПОДПИСАЛСЯ на СВОЮ ГАЗЕТУ, АНГАРЧАНИН?

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЗНАМЯ КОММУНИЗМА

Год издания 14-й
№ 111 (2570)
Воскресенье, 6 июня 1965 года
Цена 2 коп.

Орган Ангарского горкома КПСС и городского Совета депутатов трудящихся

Наша газета выходит 14-й год. С июля 1960 года она стала выходить пять раз в неделю: во вторник, среду, пятницу, субботу и воскресенье.

Подписку на газету вы можете оформить во всех отделениях Союзпечати и у общественных распространителей печати.

Стоимость подписки:
на месяц—32 коп.
на 3 месяца—96 коп.
на 6 месяцев—1 руб. 92 коп.

ИНФОРМАЦИЯ

ПОРА больших новоселий

ХЛОПОТЛИВЫЕ дни сейчас у строителей - отделочников СМУ-5. Наступило лето—пора больших новоселий.

Позавчера штукатуры и маляры 5 участка сдали в эксплуатацию 60-квартирный дом в Ново-Ленино. Сегодня комиссия принимает от отделочников два многоэтажных дома в 4 микрорайоне Ангарска. В одном из домов разместятся хлебный магазин и домоуправление.

Заканчиваются отделочные работы и на 27 доме этого же микрорайона. Кроме новоселов, в нем пропишется комбинат бытового обслуживания и новая телефонная станция. Отделочники намерены предъявить его комиссии к 20 июня.

К этому же числу будут готовы еще два дома в Ново-Ленино под Иркутском. Один из них предназначен специально для семей строителей.

Коллектив участка продолжает работы на доме 86-го квартала, в здании по проспекту Гагарина. Пришли отделочники и в дом, который монтажники возвели на болоте.

При отделке фасадов зданий бригады участка применяют новую химическую краску «ЦПХВ» Она долговечна, не боится дождей и морозов.

Итак, пора больших новоселий наступила.

А. КРИВОЙ.

СВОИМИ РУКАМИ

Каждый, кто впервые побывает в ремонтно-механических мастерских СМУ-7, обратит внимание на высокую степень механизации всех трудоемких процессов. И это сделано силами коллектива и главным образом его рационализаторов.

А совсем недавно менее 5 лет тому назад, мастерская представляла собой только главный корпус с кран-балкой...

Сейчас с главным корпусом стоят в ряду кузнечный цех и цех ремонта мотокатков и сварки, в основном оборудованных рационализаторами. В кузнечном цехе имеется кран-укосина и нагревательная печь. Там же станок для навивки шнеков и приспособление для вырубки коронок.

В цехе ремонта мотокатков работает козловой кран, стенды для обкатки двигателей. В отделении сварки—фрикционный пресс, автомат для наплавки поверхностей круглых деталей.

Здесь чувствуется постоянная забота об облегчении условий труда. В настоящее время коллектив ремонтников уменьшился в 3 раза. Но программа по ремонту дорожностроительных машин и обеспечению участков инструментом и приспособлениями успешно выполняется.

Показательно то, что наши ремонтники значительно облегчают работу и наших участков. Силами РММ сделан 4-шпиндельный агрегат для бурения тяжелых мерзлых грунтов, изготовлено приспособление для изоляции битумом труб различного диаметра. Сделано приспособление для натяжки муфт асбоцементных труб, делается приспособление для механизированной очистки труб диаметром 500—600 мм, уложенных в теплофикационные короба.

Кто же эти люди, кто всегда думает, творит, проявляет инициативу? Это Пинхаев П. Е., Холодилов Ф. В., Шацкий, В. И., Антонов В. В., Виннер И. М., Колесниченко Н. С., Яровенко И. Е. и Пустынцев В. М.

В. САЛЬНИКОВ,
главный инженер СМУ-7.

Хроника

В адрес общественных организаций монтажного треста пришло два письма из Усть-Удинского района: «Горячо благодарим участников художественной самодеятельности треста за доставленную радость. Обязуемся с честью выполнить свои обязательства перед государством. Рабочие совхоза «Первомайский».

Письма пришли вслед за агитбригадой, только что вернувшейся из подшефного совхоза. Во всех отделениях совхоза очень тепло принимали самодеятельных артистов.

Это не первый выезд агитбригады треста за пределы Ангарска. Чуть раньше она выезжала с концертами на строительную площадку Байкальского целлюлозного завода, где ведет работы СМУ-3 треста. Коллеги-монтажники также остались очень довольны выступлениями агитбригады.

Концерты агитбригады заслуженно пользуются большим успехом — ведь в ней выступает молодежь, задорная, веселая. Это Иван Клейн, Николай Игнатьев, Маргарита Игошина, Виктор Карташов, Виктор Буйлин.

●

Большую популярность у жителей кварталов «А», «Б» и других завоевали летние площадки отдыха, созданные по инициативе работников клуба «Комсомолец» прямо во дворах. Здесь можно вечером посмотреть документальные фильмы, прослушать лекции на медицинские, юридические и другие темы, литературные обзоры, узнать о новых книгах, поступивших в библиотеки.

●

В начале июля на Байкале будет проходить фестиваль японо-советской дружбы. Для участия в нем отобрано несколько лучших коллективов художественной самодеятельности области. Среди них —танцевальный ансамбль Дворца культуры нефтяников. Коллектив упорно готовится к этому ответственному выступлению.

●

Каждый вечер в 9 часов 30 минут вспыхивает экран на здании горисполкома: здесь демонстрируются хроникально-документальные и научно-популярные фильмы. Ангарчане могли посмотреть здесь фильмы «За рампой—Америка», «Великая победа советского народа», «Я был спутником солнца» и другие.

ПЕРВАЯ ПИОНЕРСКАЯ

Этот день был торжественным для ребят 58 квартала. 3-го июня в 6 часов вечера в домоуправлении № 4 состоялось открытие летней пионерской площадки.

На торжественной линейке ребят поздравили с летними каникулами представители домоуправления и Дворца пионеров. Здесь же, на сцене пионерского театра, был дан концерт силами самих ребят. Потом все присутствовали на запуске модели ракеты.

В оформлении детской площадки активное участие приняли многие родители.

А. ОЗЕРСКИЙ.

СООБЩАЕТ ТАСС

ВТОРОЙ, после Леонова

3 июня в 18.16 по московскому времени с мыса Кеннеди был запущен двухместный космический корабль «Джеминай-4». На борту корабля, весящего около 7.500 фунтов, находятся космонавты Джеймс Макдивитт и Эдвард Уайт.

Согласно программе корабль «Джеминай-4» в ходе четырехдневного полета совершит 62 витка вокруг Земли. Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) заявило, что целью этого полета является проверка воздействия продолжительного пребывания в космическом пространстве на экипаж.

План полета предусматривает также сближение корабля «Джеминай-4» со второй ступенью ракеты «Титан-2», которая перед этим выведет его на орбиту.

Запланировано, что во время полета с помощью специальных реактивных двигателей несколько раз будет изменена орбита корабля.

НЬЮ-ЙОРК. 4 июня (ТАСС)

Американский космонавт Эдвард Уайт стал вторым после Алексея Леонова человеком на земле, совершившим выход в открытый космос. Он совершил 20-минутную космическую «прогулку» на третьем витке полета космического корабля «Джеминай-4».

ДОМА НА БОЛОТЕ

Я помню это место, окруженное со всех сторон сосновым мелколесьем. На этом месте лениво дремлет заросшее озеро. Иногда пастух пригонял сюда стадо коров, да вездесущие ребятишки из близлежащего поселка Кирова ловили жирных окуней.

А город наступал на тайгу. Пришли люди, разбудили, растолкали болото и погнали его прочь. И точно грибы после дождя, выросли вокруг болота новые дома.

В эти дни идет последнее сражение с «кикимоpовым» царством. Вот еще один дом становится на железобетонные ноги. Здесь скоро будут жить люди.

В старых сказках говорится, когда герой попадал в болото, то на его пути лешие, да кикиморы всякие преграды ставили.

(Окончание на 2 стр.)

На снимке слева: геодезист Галина Петрова находит точку, где вскоре поднимется еще один дом.

Снимок справа: первые стоквартирные дома квартала 94 «а».

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Путешествие в прошлое и будущее

3. ЛЕВ с УЗЛОМ на хвосте

ДОГОРАЕТ радуга реклам. Редкие звонки трамвая осторожно тревожат тишину удивительно мягкого весеннего вечера. Здесь, чуть в стороне от центральной магистрали, огней и звуков еще меньше.

Совсем узкая улочка. Темные своды арки—я перед нами едва освещенные старинными фонарями бронзовые доктор Фауст и Мефистофель. За ними крутая лестница в кабачок «Ауербахе Келлер», где великий Гете написал едва ли не лучшие главы своего бессмертного «Фауста»..

И все как-то сразу притихли. Сидели, молча рассматривая почерневшие за две сотни лет стены, поблекшие фрески, и каждый, наверное, думал о самом сокровенном, что навеяли ему

Старый, как время, Лейпциг,
Древний, как сказка, подвал...
Стол наш, по-русски сдвинутый,
И только вина бокал.
И дуба мореного стены,
видавшие Гете не раз,
И «Фауста» строки волшебные,
И вдруг... «Баргузин,
пошевеливай вал...»

Как-то так неожиданно все и случилось. Здесь нельзя не читать стихов. И их читали. Гете и Лермонтов, Пушкин и Гейне ходили между нами по кругу и подсказывали, казалось, давным-давно забытые строки. А потом все вместе — я мы, и наши хозяева — вполголоса запеля о священном Байкале.

И снова мы шли ночным Лейпцигом. Говорили о немецком искусстве, литературе, музыке, составивших немалую толику славы человечества, и неотступно думали о страшном времени, что осталось за рубежом сорок пятого года.

На встрече с лейпцигской молодежью председатель комитета Национального фронта Герт Сигмайер сказал:

—Давайте сегодня будем говорить о том, что нас объединяет. О том, с чем мы будем идти вперед...

Что ж, мы говорили о сегодняшних делах. Прекрасно понимали секретаря лейпцигского комитета свободной немецкой молодежи Хамеллоре Баумгарт, когда она сокрушалась, что не все ладится с контрольными постами на заводах, радовались спортивным успехам заводских парней и девчат, тому, как молодежь успешно борется за рост производительности труда и увлекательно проводит свободное время. Но и в этой беседе о том, что близко и понятно нам всем, мы невольно снова и снова возвращались к прошлому.

Да и сам Герт Сигмайер прекрасно понимал, что можно не говорить, но забыть о недавнем прошлом, как это ни тяжело, но ни мы, ни они не имеют права. И вообще, возможно ли это?

Нам рассказывали, что когда одного мальчика познакомили с немецким сверстником, в его глазах отразились испуг и удивление. Прижавшись к матери, он только и смог спросить: «А разве немцы — люди?» Теперь то, что «немцы—люди», доказывают семнадцать миллионов граждан ГДР. И это не так-то просто сделать!..

В Лейпциге прошлое и настоящее удивительно переплелось. Гете и один из самых старых в мире университетов, типография, где Владимир Ильич печатал первый номер своей «Искры», и громадное серое здание, где на фашистском шабаше Георгий Димитров «рубил чеканными словами коричневой сволоты плоть».

А рядом с Лейпцигом — Веймар. Тот самый Веймар, где прошли лучшие годы Гете и Шиллера, тот самый Веймар, от которого всего час пути до Эттерсберга. И если Веймар — это свидетельство тех вершин, на которые может подняться человеческий гений, то Эттерсберг—это свидетельство того средневекового варварства, к которому снова может вернуться человек. К сожалению, тех,кто создал Бухенвальд, приходится называть «людьми».

Так что от самой вершины, которой достигла немецкая нация, до дна той страшной пропасти, в которую ее ввергнул фашизм, всего час пути по «Кровавой дороге». Именно так назвали этот путь на фашистскую Голгофу сотни тысяч людей, прошедших сквозь ад Бухенвальда. Разве это можно забыть, и в первую очередь самим немцам. Нет, и еще раз нет! Ведь именно там, в Бухенвальде, написано: «Помните — убийц обуздали только в одной трети Германии».

Не случайно именно в Веймаре 17—19 мая этого года работал международный форум писателей. На нем выступил заместитель председателя Совета Министров ГДР Александр Абуш с сообщением «Ликвидация фашизма и духовное обновление в Германской Демократической Республике». Писателям, чтобы лучше понять прошлое и оценить настоящее ГДР, пришлось тоже пройти через ворота, на которых железными буквами начертано самое циничное изречение фашизма: «Каждому — свое».

Нет слов, чтобы рассказать об абажурах из человеческой кожи, печах крематория, сердцах, простреленных ради трех суток отпуска, грудах золотых коронок,что сдавались «за вознаграждение в Рейхсбанк». Какой же силой духа должны были обладать люди, не только пережившие этот ад, но поднявшие восстание, проложившие себе путь к свободе силой оружия!

В 1945 году Арнольд Цвейг писал: **«История говорит о том, что каждый народ несет ответственность и за то, что он позволил с собой сделать. История едва ли допускала исключения из этого правила и не допустит его в этом случае...»**

В 1965 году на Веймарском форуме писателей Уильям Сароян сказал: **«Преступление совершало не абстрактное «человечество», а конкретные люди, и эти конкретные люди должны понести полную ответственность за содеянное, сколько бы ни прошло лет».**

Там, на западе, в ФРГ, судя по делам, с историей не собираются считаться. Наглядное свидетельство тому—подписи под портретами бухенвальдских убийц. Идешь мимо них и только диву даешься: «Живет в Бонне, улица такая-то... Живет в Нюрнберге, улица... дом...»

Заканчивая свою скорбную экскурсию, мы долго стояли на горе Эттерсберг. Моросил дождь. В его серой пелене терялись очертания долины, мрачно блестели колоннады кольцевых могил: русских, немецких, французских...

Шли и шли люди. Перед каждым из них была надпись высеченная на башне с вечевым колоколом: «Предостережение живым, Мертвым — слава и честь».

Предостережение живым! Сколько же еще надо времени, чтобы оно со всей своей страшной силой ударило по сердцам людей, там, в ФРГ, там у ее «друзей», где оживают, облекаются в плоть и кровь злые тени минувшей войны.

Тягостное чувство от Бухенвальда старались рассеять товарищи из «Веймар-верк» — завода сельскохозяйственных машин, принимавшие нас как самых дорогих гостей. Они много рассказывали, как при помощи советских специалистов поднялся из пепла завод, как осваивалось производство советских уборочных и погрузочных машин, как создавались новые машины, пользующиеся успехом в нашей стране.

Было очень приятно слышать, что на заводе внедряются передовая технология и новая, очень эффективная система планирования, с которыми веймарские инженеры и экономисты познакомились в Советском Союзе. Шел тот прямой и откровенный разговор, который только и может идти среди друзей. Когда одинаково охотно делятся радостью и неудачами, рассчитывая на добрый и полезный совет.

А вечером состоялась встреча с лейпцигской молодежью. О ней я уже говорил. Это были очень хорошие часы. Веселые, шумные, немного бестолковые от того, что возникала забавная путаница в переводах.

Потом в ход пошли мотороллеры, и, нарушая покой ночного Лейпцига, парни катали русских девчат. Уже далеко за полночь мы раза три провожали друг друга и никак не могли наговориться. Потому, что, наверное,уже в сотый раз обсуждалось прекрасное будущее Демократической Германии, каким оно видится ее молодежи. А нас снова и снова просили рассказать о Сибири, о ее новых городах и стройках, чудесной природе и немного удивляли своей осведомленностью о Братске, Иркутске и, конечно, Байкале.

В тот вечер нам подарили на память льва. При всем его плюшевом существе он был явно удовлетворен предстоящей переменой места жительства, так как, несмотря на то, что прежние хозяева завязали ему хвост узлом, —весьма добродушно «улыбался»...

Немцы шутят, что скоро лейпцигскими львами будут пополнять Африку. Дело в том, что старейший в мире лейпцигский зоопарк уже «выпустил» более двух тысяч львов, родившихся в неволе. Это абсолютный мировой рекорд. Вот нам и подарили символ процветания города Лейпцига. Причем подарили со значением, завязав хвост узлом на память, чтобы мы не забыли наших новых друзей и снова приехали к ним.

Говорят, что самая большая достопримечательность любой страны, это ее люди. Что ж, с этой точкой зрения мы полностью согласны. Та молодежь новой Германии, с которой нам довелось встретиться в Лейпциге и Берлине, Дрездене и Веймаре, полна оптимизма, веры в прекрасное будущее своей демократической республики и самозабвенно трудится ради него. Такие люди действительно самая прекрасная достопримечательность страны и именно ее нам довелось увидеть в ГДР.

В общем, узел на хвосте льва завязан не напрасно.

М. ШАГАНСКИЙ.

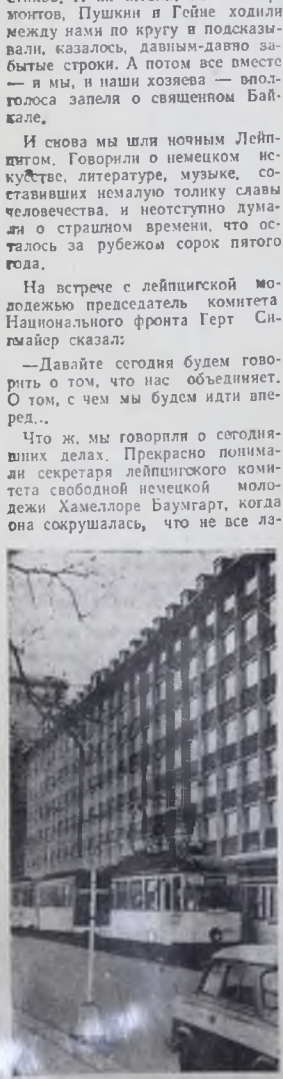
Лейпциг — Веймар — Ангарск.
Апрель — май 1965 года.

НА СНИМКАХ:

СЛЕВА ВНИЗУ — студенческий интернат имени Женни Маркс в Лейпциге.

В ЦЕНТРЕ — внутренний вид типографии, где когда-то, 65 лет назад, Владимир Ильич Ленин печатал первую газету российского пролетариата «Искру», зовущую на последний бой с самодержавием.

ВВЕРХУ — Бухенвальд. Башня с вечевым колоколом на площади Торжества. Вид со стороны кольцевых могил.



ДОМА НА БОЛОТЕ

(Окончание. Начало на 1 стр.)

Сказка сказкой, а преграды есть и сейчас. Я решил написать репортаж о тех, кто забивает сваи четвертого по счету дома, о тех, кто подготавливает фронт работ для других строительных бригад. Но тут вышла осечка. Уткнув в землю свой долбежный нос, копер молчал. А один из рабочих этой бригады развел руками и сказал:

— Стоим. Нету фронта работ. Обещают подготовить где-то завтра-послезавтра.

Репортаж не получился. Но я не огорчался. Где-то совсем рядом выбивали пулеметную дробь отбойные молотки. Это на нулевом цикле работала бригада Воскобойникова. Четверо рабочих сверлили отверстия в железобетонных сваях, а следом за ними шел электросварщик и обрезал лишнюю часть железобетонного столба.

Только это и удалось увидеть, остальные члены бригады были не у дел. Во время перекура они выложили мне все свои беды:

— Нет облицовочных плит, кирпича, арматуры, — начал перечислять А. Пирогов.

— Щиты опалубочные на себе таскаем за двести метров, — добавил кто-то из рабочих, — третий день стоим.

— Вот так и ведется: дремлют-дремлют, а 15 июня, когда нужно сдавать цикл, сразу забегают — давай, давай!

Да, действительно, организация труда на этом участке неважная. Все претензии бригады вполне справедливы. Я видел только несколько пролетов между сваями, заложенными облицовочными плитами. На остальные пока нет ни кирпича, ни плит.

2. ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Если перебрать все профессии, что встречаются на строительной площадке, то трудно сказать, какая из них главная. Все они важные и нужные. Взять тех же геодезистов — Галину Петрову и Любу Леонову. У них тоже главная профессия.

У треноги, внимательно всматриваясь в глазок нивелира, стоит золотоволосая девушка и легким движением руки дает сигналы своей напарнице, как стать ей правильно с планкой. Но вот наконец планка на месте, девушка фиксирует положенную точку, и там, где только что стояла планка, будет забиваться свая.

Это уже четвертый дом на болоте, который они разметят. А сколько таких домов было в городе. Галя приехала из Заярска. Скоро кончит ангарский политехникум, станет техником - строителем. И как бы подтверждая мою мысль, кто-то из рабочих сказал:

— Она у нас главная! Вот пройдет она здесь, расставит точки, тогда и мы можем работать. А без ее разрешения нельзя. Геодезист идет по земле впереди строителей. Одним словом, первопроходчик.

А. ХАМЗИН.

Судьбина

Виктор Владимирцев — наш земляк-ангарчанин. Долгое время он работал художником. И еще он очень любит природу. Может быть, поэтому Виктор бросил кисть и ушел в тайгу охранять лесные богатства нашего края. Сейчас он работает егерем охотничьего хозяйства. Жизненный опыт и меткий глаз художника помогают верно раскрыть образ своего героя и простыми понятными словами донести его до читателя.

«СУДЬБИНА» — его первый публикуемый рассказ. Им мы открываем публикацию очерков, рассказов, стихов ангарских литераторов, готовящихся к проведению своей первой творческой конференции.

—1—

КОГДА мне исполнилось пять лет, и я жил в Балаганске с мамой и тетей, неожиданно приехали дедушка и бабушка и увезли меня к себе в Хайту. Вот тут-то первый раз я и встретил ее — Матрену Филипповну.

Это было незадолго до нового года. Был вечер. Уютно тикали старинные ходики на стене, светила десятилинейная лампа над обеденным столом, и, приглушенно гудя (на мороз), топилась железная печка.

Я сидел около печки и старательно раскрашивал в какой-то книжке картинки двухцветным красно-синим карандашом.

Дед был около стола и не менее старательно, чем я, уминал своими большими руками пачку листового табака в горшок, собираясь поставить его в печь. Это он называл «морить тютюн» (дед — украинец). Бабушка была на дворе.

Вдруг раздался сильный стук в ворота. Затем голоса. Дед от неожиданности рассыпал свой «тютюн».

Вошла бабушка и, проходя на кухню, как-то сердито сказала деду: «Ну иди, встречай — принесла холера твоих чертей, прости господи».

Дед, потеряв всю степенность своей большой фигуры, засуетился, одной рукой стараясь собрать табак, другой шаря шапку на лавке, и, как-то смешно перебирая ногами на месте, заторопился, но все равно опоздал—дверь открылась, и вместе с клубами морозного пара в избу ввалились огромные (как мне тогда показалось) фигуры людей в меховых дохах до пят, с инеем на воротниках и бородах.

Несмотря на то, что дом был большой и просторный, — сразу стало тесно и очень шумно. Почему-то все говорили враз и громко.

Вдруг одна из фигур грузно шагнула в мою сторону и женским голосом произнесла: «А это что такое?»

Я съежился и замер, но фигура склонилась надо мной, и я почувствовал, что лечу в воздух, подхваченный какой-то необъяснимой силой. На меня из-под меховой шапки вдруг глянуло страшное лицо: глаз, обнаженный более, чем положено, какой-то большой и неправдоподобно синий, щека, изуродованная страшным рубцом обнажавшим белые зубы, и я, увидя его вплотную, отчаянно забрыкался и заорал, как у нас говорили, «благим матом». Помню метнувшуюся ко мне бабушку и ее слова: «Матрена, холера, ты же мальчонку испужала, ишь он сомлел», и я очутился на знакомых бабкиных руках.

Когда гости разделись и сели за стол, я с опаской, но с любопытством, свойственным моему возрасту, начал их рассматривать. Их было пятеро. Четверо были бородаты, густоголосы и менее мне интересны, чем пятый гость. Заходя слева, я видел женщину. Красивую, с милой улыбкой и ямочкой на щеке. Заходя справа, — чудовищную маску.

Когда гости выпили и насытились, полилась плавная беседа. Дед оживленно расспрашивал, гости, не торопясь, степенно, отвечали. Я уже знал, что гостью зовут Матрена Филипповна и уже старался не бояться ее, как вдруг она всецело, бросив остальную компанию, завладела мной. Теперь я уже видел, что она нарочно все время старалась, разговаривая со мной, держаться ко мне левой стороной, но я, влекомый ее правой половиной лица, в свою очередь, старался зайти справа и наконец, не выдержав, спросил ее, показывая на щеку: «Что это?» Она как-то вся подобралась, стала меньше что ли и тихо ответила:

— А это мы с батюшкой медведем в пятнашки играли...

—2—

ШЛИ ГОДЫ. Я уже ходил в школу. Каждый год два или три раза у нас появлялась Матрена Филипповна к великой радости моей и деда. Справедливости ради нужно сказать, что и бабушка ее любила, но уж такой был у нее характер, не показывая своих чувств, ворчать на все и на всех.

Приезд Матрены Филипповны был настоящим праздником для меня. Кроме того, что она привозила специально для меня туески с медом, брусникой, мешки и мешочки с орехами и облепихой, живых белок, зайчат и даже однажды медвежонка, она буквально закармливала меня разными лакомствами. Бабушка пробовала протестовать, да куда там!

Как сейчас вижу ее, тетку Матрену: крупная ростом, статная, ходит как-то одним плечом вперед, быстро и порывисто. Всегда веселая, громкоголосая, шумная. И только тогда, когда мы остаемся с ней одни, вдруг неожиданно тихая, печальная, ласковая...

Она была уже пожилая — я в то время не задумывался, сколько ей лет, но каждый раз отмечал в памяти, что в ее густых, темных волосах прибавлялись и прибавлялись серебряные нити. Перед войной я уехал в Иркутск к маме. И в Иркутске я получал год—другой подарки от тетки Матрены, потом началась война, и другие люди и события заслонили от меня ее образ...

—3—

ПОСЛЕ войны я приехал в родные места уже парнем.

Познакомился вновь со своими сверстниками, ставшими взрослыми, стал там же работать. Однажды, в отпуск, мы втроем договорились пойти вверх по Белой до ее истока. Сказано—сделано. Запасли немудреный провиантишко, боеприпасы, ружья и двинулись в поход.

Шли много дней, останавливаясь на дневки в нравящихся местах, подъезжая на попутных подводах, и наконец однажды пришли в деревушку, которая вдруг возбудила своим названием целый рой воспоминаний в моей голове. И хотя было еще рано, очень рано думать о ночлеге, я, не любящий ночевать по деревням, к удивлению моих спутников так горячо настаивал на необходимости здесь остановиться хотя бы до завтра, что они, глубокомысленно по очереди покрутив пальцем около головы, что должно было показать степень моего умственного расстройства, согласились.

Кое-как устроившись в крайнем домишке у бестолковой и к тому же глухой бабки, я побежал искать ее, Матрену Филипповну.

Первым из «туземцев» мне попался высокий старик, шедший так гордо и независимо, будто он делал одолжение этой немудрящей, заросшей травой улице, по которой шел.

Что-то знакомое показалось мне в его осанке и когда, поборов невольную робость, я к нему обратился, понял, что не ошибся: «Матрену спрашиваешь? Постой, постой, паря, а ить ты, однако, Володька Бородин, а?»

Получив мое подтверждение, он продолжал: «Нету Матрены, паря... А ловко я тебя узнал?»

Видя, что я расстроился, потянул меня довольно сильной рукой к ближайшей завалинке. Когда мы сели, заговорил, помолчав немного:

— Да я же помню—она козленком тебя звала и собиралась утащить от бабки в тайгу. К себе. Об этом даже разговор промеж их был. Не знаешь? Ну, да где тебе — ты ишшо вправду тогда анзаганчик был. Так вот, померла тетка Матрена, царство ей небесное. Вон и изба ее стоит. Никто в ней не живет. Хошь покажу?..

Мы пошли. Со странным чувством я ступил на порог ветхой избенки. Я уже к тому времени пережил смерть матери, но, ступив на порог избы тетки Матрены, неожиданно для себя, вдруг, почувствовал ту же тяжесть невозвратной утраты. Оглядывая стены и немудрящую мебель избы, я, видимо, чем-то выдал себя: старик, его звали Корней Ильич, сказал как-то задушевно, мягко, вполголоса:

— Все там будем, паря, не враз, да не вместе... а што жалеш Матрену — это дело святое — она нить любила тебя. Перед смертью и то поминла. Говорила — Володьку бы повидать, жив ли, козуленок? Так-то вот... Вечером приходи ко мне—вон изба с беленой трубой, потоворим. А днем какой разговор — одно суесловие? Днем, паря, работать надоть. Вот иду поскотину чинить. Не! Не помогай! Не люблю! Обратно с разговорами полезешь. Ну, покуль!

Кое-как дождавшись вечера, я пошел к Корнею Ильичу. Мои товарищи, сытно поужинав, решили отоспаться перед завтрашней дорогой. Я почему-то даже обрадовался их решению и только потом понял деликатность моих спутников.

Не слушая никаких отговорок, Корней Ильич усадил меня за стол, и его старушка Фекла Терентьевна начала усиленно потчевать меня разными вкусностями собственного изготовления, причем богатырскими порциями, и только когда я отчаянно взмолился, гостеприимные старики с неохотой выпустили меня из-за стола.

Корней Ильич, накидывая полушубок на плечи, преимущество которого я оценил позже, изрек: «Ну давай, паря, двигам на вольный воздух. В избе жарко, ты ить курилка, а мы этого зелья со старухой не терпим. Айда!»

Вышли на огород. Прямо за огородом протекала стремительная речушка, скорей ручей. На берегу лежало старое бревно, на которое мы уселись. Закурив и деликатно пуская дым в сторону, я все же не избежал упреков в свой адрес:

— Зверь куряшшева чует оборони бог как далеко. Ну, скажем, бурят или наш чалдон с трубкой куда ишшо ни то, а то ить в бумажку вертют, время зря теряют, да и, обратно, здоровье рушат...

Поворчав, Корней Ильич надолго замолчал. Я уж думал, что он задремал ненароком — ему-то его спину под полушубком комары не трогали. Да и лицо почему-то он не обмахивал, не в пример мне.

Наконец он заговорил.

— Так ты, значит, об Матрене хош узнать? Ну расскажу я тебе, паря, то знаю сам я то от людей слыхал. Слушай, коля есть охота. Все одно спать седни не смогу — растревожил ты меня...

—4—

И ПОЛИЛАСЬ его речь, плавная, торопливая. Речка притлушенно акомпанировала этому лирическому повествованию; тихо, еле-еле колыхались вековые сосны на другом берегу, и где-то далеко на том конце деревни пели девчата грустные песни.

Вот что я узнал от деда:

В богатом трактовом селе жила вдова с дочкой Матреной. Жили бедно, потеряв рано кормильца. Мать батрачила у зажиточных мужиков и, простудившись, умерла, оставив маленькую дочку в почти пустой избе. Матрену, сжалившись, взял к себе крепкий мужик Агафон. У него не было детей, но и Матрену он не удочерил. С ранних лет растил ее сурово, но справедливо. Сирота имела, не в пример другим батракам, справную одежду и сытый стол. Расцвела Матрена к шестнадцатой весне писаной красавицей. Люто дрались из-за нее парни, оспаривая право на ее улыбку и взгляд, но то ли суровый Агафон внушал ей свои правила поведения, то ли она сама была такая непреклонная, трудно сказать, но только никого не дарила она вниманием и изредка появлялась на вечерках, рано уходила домой одна, а не в меру ретивых поклонников, пробовавших увязаться за ней, неумолимо и властно отсылала обратно...

Начали парни сохнуть по ней; и не в одной семье отец брался за вожжи, спасая семью от бесприданницы. Однако все же были и иные отцы — засылали сватов. Агафон спрашивал при сватах у Матрены согласия, и сваты получали отказ. Так прошло еще два года. Постепенно вокруг нее создалось нехорошее мнение. Гордячка, мол. А чем гордиться? Чем? Сирота ведь. Безотцовщина. Она и раньше не имела подружек, теперь же и вовсе осталась одна, не считая семьи, в которой жила. Печать сурового воспитания и всеобщей отчужденности постепенно нашла отражение в ней. Она стала еще более замкнутой, более суровой и, как говорили, дикой.

И вдруг опять расцвела Матрена. Только краше и ярче стали ее глаза, смотрящие теперь на мир с каким-то изумлением. Губы, всегда строго поджатые, то и дело расправлялись в милую, застенчивую улыбку, живее стала походка, порывистее движения, и люди услыхали ее голос! Чудной голос, распевающий песни на огороде, в лесу, на выгоне. Говорили всякое... Но не сразу узнали правду.

Полюбила тогда Матрена. Полюбила всей душой. Всем существом своим. Полюбила впервые и навсегда. Солнце и ветер, месяц и река знали эту тайну и бережно хранили ее от людей. Избранник ее был Петруха. Первый красавец на селе и единственный наследник богатого и скупого, жадного и свирепого мужика Степана.

Да и не совсем мужик был Степан. Давно уже он не брал чапиги плуга в свои руки—батраки пахали. Не выходил росным утром в поле с косою—батраки косили. Не молотил по осени душистое золото хлеба—батраки молотили. А ездил он по окрестным селам, скупал хлеб и мед, смолу и куделю, холсты и шкуру и возил на сытых конях в город. А из города в село вез ситец и цветастые шали, сапоги и керосин, гвозди и пилы, леденцы и пряники.

Петруха же хоть и был на селе первый заводчик всех дерзких забав и молодецких шалостей — из воли родителей не выходил и не то, что боялся родителя, но слушался.

Как повстречались Матрена с Петрухой, где было их первое свидание, когда сердца их вспыхнули огнем взаимной любви — никто не знал. Вот тогда-то люди и услыхали ее песни. И еще больше стали удивляться парни, когда неожиданно потеряли своего вожака Петруху.

Зоркие кумушки углядели, что пополнела, округлилась девичья стать Матрены, а Петруха хоть и проходил по селу, как прежде, молодцом, но не укрылась от досужих глаз кумушек его несколько смугловатая бледность. Пошли по селу разговоры — сначала исподволь, затем слышнее... И тогда Петруха ударил в ноги своему свирепому родителю. Говорили потом, что был страшный крик в доме Степана; много посуды и мебели вытащили в яму под сараем работницы. Испугался Петруха отцовского проклятия, а может, жалко стало богачества — только много дней не выходил Петруха на улицу. Ведь не связанный же он был...

А Степан на добром рысаке, заложенном в лучшую кошовку, крытую медвежьей полстью, в тот же день уехал куда-то. Долго ждала Матрена знакомого знака и, отбросив девичий стыд, пошла ко двору Петрухи. Кинулся Петруха на крыльцо, увидя ее во дворе, но перед ним грозным изваянием застыла мать с раскинутыми руками. Вроде бы заплакал Петруха, рванув за ворот рубаху, но больше шага не сделал навстречу любимой...

И она поняла. Низко опустив голову, пошла со двора по улице мимо судачивших соседок на край села в избенку на выгоне. Жила там бабка Печила и людей, и скот. Не любили ее люди. Колдуньей звали. Но шли по нужде, боясь и творя крестное знамение...

Говорили люди — вышла назавтра Матрена от бабки белей холста белого, но все равно гордо и независимо пронесла свою голову по всей улице до дома Агафона, и перестали люди слышать ее смех и песни...

Степан вскоре вернулся, сопровождаемый двумя тройками, полными гостей. Был пир на все село. Неделю гуляли. Гоняли на тройках по селу и за селом, орали песни, дрались и плясали на улице и в сенях...

А вскоре, на мясоед, Петруха женился. Жена красивая. Тоненькая и печальная. Не злешная. Городская. Видели люди — плакала часто и все к тракту ходила. А Петруха стал вином запираться. И на охоту стал чаще ходить. Потом и вино бросил, а пристрастился к охотничьей артели, была там в селе такая, и надолго пропадал в тайге.

Поблекла Матрена. Завяла, как сорванный цветок. Ходила уже в чем попало и все больше в темном. Монашкой прозвали ее злые языки.

(Окончание на 4 стр.).

(Окончание. Начало на 3 стр.).

Агафон тоже любил охоту. И из осенний перелет гусей брал с собой жену. Было у него два ружья: пока он выцеливал и стрелял одним — другое жена заряжала. Но заболела старуха. Слегла и отдала богу душу. А как время подошло гусиное — взял Агафон с собой Матрену.

Чем-то она ему не угодила. Зыкнул он на нее—она ушла на другой конец озера и ружье с собой унесла. А когда сошлись опять вместе — у нее-то гусей вдвое больше. Не речист был Агафон, но потом при народе сказал: «Глаз, мол, у ней верный, и рука крепкая. парнем, мол, быть бы ей — добрый охотник был бы». С тех пор еще охотились, но только Матрена стреляла, а Агафон заряжал и обучал ее охотничьей сноровке.

Прошло еще два года. За это время многое случилось: подарила Петрухе городская жена сына, а сама вскоре как-то незаметно умерла, как истаяла. Умер и Агафон, напоследок на духу у попа оставив дом и все хозяйство. доброе хозяйство и все нажитое. Матрене. Взяла и Матрена себе работницу — тоже сиротку, а как со стороны поглядеть—так сама-то и осталась работницей. И жила в том же чулане и ходила в стоптанных ичигах, зато сиротку одевала на загляденье и работой не докучала.

Вдовый Петруха снова упал отцу в ноги, но, как и в первый раз, напрасно. Запил. Стал куражиться. Ударился в разгул. Уезжал куда-то частенько, но вскоре возвращался.

А время шло. Зашибла Степана по пьяному случаю лошадь. Говорить не мог, но, умирая, все грозил сыну пальцем. Петруха хозяином стал. Пить бросил. И, как сравнялась годовщина со смерти отца, заслал сватов к Матрене. По-старинному, чинно. Все как следует! Обвенчались. И вновь свершилось чудо — расцвела Матрена на зависть одним и загляденье другим. Пышным цветом расцвела, как лесная сарана. Пасынка — Петрухинова сына, четвертый годок ему шел— вылитый Петруха,—баловала и пестовала. Знала — не будет у ней своих детей...

Собрался раз Петруха в тайгу. Не пускала его. Говорили люди, позорила мужа — до околицы шла за ним. Плакала даже... А без малого через неделю привезли из тайги на розвальнях Петруху. Не всего. Не целого. Кости да лохмотья шубы...

Волчицей взвыла Матрена и упала на снег. Долго лежала в горячке, никого не узнавая. Потом встала. Молчала. Только еще пуще ласкала маленького Максимку. А однажды собрала заплечную торбу, встала на Петрухины лыжи и ушла в тайгу. Долго ее не было. Наконец как-то в полдень приползла из тайги почти на четвереньках. Испугался даже ее любимец Максимка. Когти медведя не пощадили ее красоту...

Отлежалась. Поправилась. Но до конца дней своих носила отметину на лице от когтей первого медведя. Сначала жила как все. Тихо. Хозяйственно.

Потом вдруг продала Петрухин дом, свой оставила сиротке, отдав сначала ее замуж, и переехала в глухую таежную деревушку. Жили там почти все промышленники. Таежники. Артели две. Просилась к ним. Мужики смеялись. Потешались бабы. Озлилась. Ушла одна в тайгу, а через неделю—другую вывезла из тайги трех медведей,много беличьих шкурок и сколько-то соболей. Сдались мужики. Приняли в артель Матрену. Стала промышлять с ними. Удивлялись даже — отчаянная была. Ничего не страшилась. На раненого медведя шла с топором.

Подошло время Максимке учиться. Повезла его Матрена в село вниз по реке. Не так далеко — верст тридцать. Скучала сильно и каждую неделю ездила проведывать. Но однажды занемогла. Ждал-ждал Максимка, тоже соскучился да и махнул к мамке Матрене. Путь не близкий, да и не далекий, но все же пристал да и ветер встречный. Присел отдохнуть. Задремал парнишечка и не видел, как повалилась большущая сушина — то ли от ветра, то ли от времени —и придавила Максимку...

Горько убивалась Матрена. На охоту не ходила год, может, или больше. Но потом отошла. Стала опять зверовать. Раз или два в год ездила в большие села. Дружбу особенно ни с кем не водила. Ребятишек очень любила, и они ее тоже...

—5—

Корней Ильич замолчал, поднялся с бревна и, повернувшись к востоку, где уже намечалась ранняя летняя зорька:

— Вот, значит, как все это обстояло, паря. Може, где и не так, може, запамятовал чо—не обессудь старика... Умерла Матрена тихо. Последние годы она уж не ходила в тайгу. Тяжела на ноги стала, да и прихварывала. Скучала, конечно, сидеть не обыкла. Хоронили всей деревней и из других деревень дивно людей было. Любили ее все. Многим она добра сделала. На промысле добычливая была. Себе малость какую оставляла, а остальное — людям, кому нужнее. Так-то. Ну иди на сеновал позорюй, я скажу старухе, штоб тише с коровой шебуршала. Не хошь? Твое дело. Куды пошел-то — деревня-то ить вот. Не заблудись, мотри. Да хучь курил-то бы помене...

Напутствуемый его добродушным ворчанием, я пошел вниз по речушке, зная, что она меня вскоре выведет к Белой. Я шел, охваченный грустными мыслями о страшной, но вместе с тем чем-то прекрасной судьбине простой русской женщины, и вдруг, вздрогнув, остановился. Впереди меня, раздвигая кусты отцветающей черемухи, вышла пара...

Рассвет еще только брезжил, и потому ли, что я еще находился под впечатлением только что услышанного, или потому, что неясный свет сглаживал черты их лиц и фигур, но мне они показались прекрасными. Девушка тихонько ойкнула и легко скользнула вперед парня мимо меня, парень же, не торопясь, степенно прошагал за ней.

Я обернулся им вслед. Пройдя дальше, они вновь тесно прижались друг к другу и тихонько пошли к деревне.

Рассвет вступал в свои права. Густо пахнуло медвяным запахом цветущих трав. За поворотом в реке плеснулась большая рыбина, тоненько зазвенел голосок самой ранней птички-зарянки...

В. ВЛАДИМИРЦЕВ.
Рисунок автора, сгерь.

ТЕАТР

НЕ ИЗМЕНЯЙ ИДЕАЛУ

Зрители хорошо знают талантливого советского драматурга Алексея Арбузова. В разное время на разных сценах они видели его пьесы «Годы странствий», «Двенадцатый час», «Иркутская история» и другие. И вот новая его работа — драма «Мой бедный Марат». На сей раз встречу с Арбузовым нам устроили артисты Хабаровского театра.

Главную мысль пьесы можно выразить так: человек не должен, не имеет права изменять своим идеалам. Ни в чем. Ни в любви, ни в работе, ни в дружбе. А если это случается, жизнь заставляет его сурово платить за свое отступление.

Именно раскрытию этой мысли подчинен весь строй спектакля: режиссерский замысел, актерская игра.

В пьесе всего три действующих лица: Марат, Лика и Леонидик. Треугольник, и не простой, а «классический»:Марат и Леонидик любят Лику, а Лика, естественно, любить двух не может и любит одного — Марата.

Но, несмотря на эту «классичность», спектакль смотрится с большим интересом. Потому что в нем и глубокие мысли, сильные характеры, созданные не только драматургом, но и актерами.

Драма написана в форме хроники. И мы встречаемся с героями трижды: в блокадную зиму сорок второго (действие происходит в Ленинграде), затем в сорок шестом и спустя тринадцать лет.

Очень убедительно показывают актеры развитие характеров и становление своих героев. Впервые мы встречаемся с пятнадцатилетней Ликой (артистка Н. Медведева), а расстаемся с 33-летней женщиной. Многие годы «проживают» на сцене и актеры М. Митин (Марат) и М. Храбров (Леонидик).

Они сумели создать убедительные образы своих героев. Особенно удачен, на наш взгляд, образ главного героя— Марата. Между высоким нескладным 17-летним мальчишкой, встретившим в суровом сорок втором свою первую любовь, и этим поседевшим мужчиной, прошедшим войну, прожившим еще солидный «кусочек», — пролегли годы.

И как тонко, как последовательно взрослеет, мужает актер Митин: в каждую встречу перед нами Марат — наш старый знакомый и...вместе с тем новый. Такой же сильный в своих идеалах: «хочу соединять берега» (заметьте — не просто строить мосты). Такой же гордый в любви: «Я бы сказал тебе, Лика, да не скажу». И говорит Марат о любви своей лишь в последнюю встречу. Говорит по-особому, по-маратовски: «Знаешь, Лика, когда я понял, что потерял тебя, для меня небо стало пустое. Ни одной звезды»..

Да, дорого расплачивается герой за слабость, которую он проявил однажды, за измену своей любви: ему тогда на миг показалось, что Лика нужнее Леонидику. Но не были счастливы и они: Лика, пожалевшая слабого духом Леонидика, он, посягнувший на ее чувство. Одна измена повлекла за собой другую: и в жизни они все трое не смогли добиться того, о чем мечтали в юности.

И тут, раскрывая свою главную мысль, драматург говорит: никогда, даже за час до смерти, не поздно начать сначала жизнь, если она была построена неверно. И герои начинают. Достойными партнерами М. Митину выступают в спектакле актеры Н. Медведева и М. Храбров. Хотя, может быть, несколько странно говорить так, потому что они имеют за плечами больший, гораздо больший опыт (оба заслуженные артисты РСФСР). Но в данном случае они выступают как партнеры,и, несомненно, достойные. Правда, в самом начале, когда М. Храбров играет 17-летнего Леонидика, ему трудновато. Вернее, трудновато зрителям: возраст актера, который трудно скрыть гримом, мешает зрителю поверить в то, что перед ним мальчишка... А отсюда—трудно актеру и спектаклю.

Но это, так сказать, детали. В целом актерам удалось создать яркие, своеобразные характеры своих героев. И герои эти живут на сцене яркой и своеобразной жизнью.

В. ВОЛОВИЧ.

КИНОНЕДЕЛЯ

«СЛЕД В ОКЕАНЕ»

На этом острове, который называется Отдельный, никто не живет, кроме старика-смотрителя маяка да его собаки. Здесь, в океане, у этого острова и решено провести испытание первой опытной серии аквалангов.

Научную экспедицию возглавляет советский ученый Сретенский. Он, работая над усовершенствованием аквалангов, изобрел газовую смесь, которая позволяет аквалангисту опускаться на большую глубину.

Открытие Сретенского представляет государственную тайну. Но о том, что у пустынного острова проводятся исследовательские работы, вскоре узнает иностранная разведка. И с каждым днем становится все яснее, что враг рядом, что он действует. Но кто враг, через кого он ведет работу?

«СУМКА, ПОЛНАЯ СЕРДЕЦ»

Эту повесть Владимира Федорова тепло встретил наш читатель. Она состоит из 12 новелл. «В сумке...» много сердец: тут есть и материнское и Авдотьино, поющее и спящее, каменное и гремучее...

Кинофильм, сделанный по этой повести, рассказывает об интересных и сложных судьбах людей современного колхозного села. А село это не совсем обычное: оно стоит на границе Украины и России. Его называют на одном конце — Чистый Колодезь, на другом — Чиста Криница. Но селу стоять недолго: и всему виной маленькая магнитная стрелка, которая пускается в пляс именно в этом селе. Да и как не плясать, если здесь столько железной руды, что, по уверению тетки Арины, можно построить железный мост до Луны.

А тетка Арина — это сельская почтальонша. На плече у нее широкий ремень, а на боку—туго набитая кирзовая сумка, из которой во все стороны торчат уголки пестрых журналов, газет, писем, открыток. С утра до вечера лихо крутит педали почтальонша, развозя по селу почту и рассказывая зрителям о своих земляках.

Редактор В. П. КУЗЬМИН

КИНО

«ЮНОСТЬ» — **Где ты, моя Зульфия?** 10-20, 12, 13-40, 15-20, 17, 18-40, 20-20, 22. Второй зал— **Тихий Дон** (2-я серия). 15, 17-10, 19-20, 21-30. 7 июня—**Майя Плисецкая.**

«МИР» — **След в океане.** 10, 11-40, 13-20, 15, 16-40, 18-20, 20, 21-40. 7 июня — новый художественный фильм **«Сумка, полная сердец».**

«ПИОНЕР» — **Зачарованные острова.** 10, 11-25, 12-50. **Жили-были старик со старухой** (2 серии). 14-15, 16-50, 19-25, 22. Малый зал — **Зачарованные острова.** 16, 19. **Крепостная актриса.** 17-20, 20-20, 22. 7 июня—**Дума про казака Голоту.** 10, 11-35. **Жили-были старик со старухой** (2 серии). 13-10, 15-45, 18-20, 21.

ДК НЕФТЯНИКОВ — **Через кладбище.** 15, 17. 7 июня—**Оставшийся в тени.** 13, 15.

«ОКТЯБРЬ» — 6 июня—**Там, где кончается асфальт.** 15, 17, 19, 21. **Майя Плисецкая.** 13.

«АНГАРА» — **Близнецы.** 17, 19, 21. 7—8 июня — **Три сестры.**

«КОМСОМОЛЕЦ» — **Южный узел.** 11-40, 13-20, 15, 16-40, 18-20, 20, 21-40. Для детей — **Веселые истории.** 10.

И СТЕНЫ НЕ ПОМОГЛИ

ФУТБОЛ

Тысячи ангарских любителей с нетерпением ждали первый матч. Все хотели посмотреть, какова же команда «Старт», сумеет ли она преодолеть тот кризис, в котором оказалась.

И вот календарная игра с читинским «Забайкальцем». Ангарчане впервые увидели на поле новых игроков — братьев Коберских. Дмитриева, Сахарова.

Читинцы после проигрыша «Ангаре» настроились по-боевому и приняли быстрый темп, навязанный хозяевами поля. Прошло всего 5 минут — и зрители стали свидетелями первого гола. Читинец Евгений Литвинцев с подачи углового подправил мяч в сетку ворот «Старта».

Ангарчане усиливают наступление, часто прорываются к воротам и бьют, но безрезультатно.

Вторая половина игры начинается еще более бурными атаками «Старта». Ангарчане разыгрывают комбинация, обрушивая шквал ударов по воротам противника, но на табло по-прежнему у хозяев поля 0. Идет 20-я минута. Читинцы прорываются к воротам «Старта», и оставленный без опеки левый нападающий, получив мяч, с ходу посылает его в ворота «Старта». 2:0, ведут читинцы.

Наконец на 31-й минуте одна из комбинаций ангарчан завершается голом Его забил...читинец Ерахтин. Все усилия хотя бы сквитать, сделать результат встречи ничейным ни к чему не привели. Со счетом 2:1 в пользу «Забайкальца» закончилась эта встреча.

Что сказать об игре «Старта» и самой команде? Несмотря на территориальное преимущество, «Старт» не смог добиться победы. Главная причина в том, что нападающие не научились точно бить по воротам. Несколько слабо сыграла защита. Чувствуется, что тренерский состав еще не расставил окончательно защитников и продолжает поиски.

Неплохое впечатление оставила игра новых футболистов — братьев Коберских и центрального защитника Сахарова. Можно прямо сказать, что команда «Старт» не слабее, чем в прошлом году, но ей не хватает еще сыгранности, взаимопонимания между игроками. И верится, что «Старт» обретет ту форму, которая вновь вернет уважение тысяч любителей футбола.

С. БОРИСОВ.

Наш адрес: Ангарск, площадь имени Ленина, здание горсовета. 3-й этаж. Телефоны: редактора и отдела промышленности — 2-42-37, заместителя редактора, идеологического отдела и секретариата — 2-21-37.

НЕ 04620 Ангарская городская типография областного управления по печати Заказ 3839. Тираж 23 880.